

Продолжение.

Начало в "РМ" №4173

15 МАЯ — ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ М.А.БУЛГАКОВА

Художник и власть. Частный случай

Политбюро ЦК ВКП(б) и Михаил Булгаков

2 октября 1926 года по поводу спектакля "Дни Турбиных" состоялся весьма представительный диспут в Комкадемии (фрагменты — "Театр", 1991, №12).

5 октября — долгожданная премьера самой знаменитой советской (антисоветской) — как неверно считали многие) пьесы.

Днем раньше Луначарский выяснил порученное ему на политбюро ЦК ВКП(б) и направил на имя того же Рыкова объяснительную:

Секретариат политбюро.

По распоряжению тов. Луначарского посылаю вам копию объяснения по вопросу о постановке пьесы "Семья Турбиных". Секретарь Наркома...

Привожу эту сопроводилку, чтобы стало ясно: уже принятое для афиши название "Дни Турбиных" не настолько навязло в зубах. В официальной переписке ссылались на старое... Все еще было впереди. (К слову: знает ли кто-нибудь из булгаковедов (профессионалов!), какую пьесу читали в ГРК, сам нарком, Сталин?.. "Белую гвардию", "Семью Турбиных", "Дни Турбиных"?)

Копия. Секретно. №63/с. 4.Х-1926 года.

Председателю Совнаркома А.И.Рыкову
Дорогой Алексей Иванович!

Политбюро ЦК поручило мне расследовать, по чьей вине произошло опубликование афиш, в то время как Политбюро объявило о пересмотре непосредственно им вопроса о разрешении пьесы "Дни Турбиных" ("Белая гвардия").

Постановление Коллегии о разрешении этого спектакля состоялось 24/IX. Главрепертком считал, что это постановление окончательное, так как со стороны представленных в нем ведомств никакого протеста не последовало, ни т.Маркарян от ГПУ, ни т.Орлинский от МК не заявили, что они не согласны с решением Коллегии.

Сведения о разрешении пьесы никому не представлялось секретным, тем не менее Главрепертком дал телефонограмму в "Нашу газету", так как там появились какие-то неясные сведения и Главрепертком постарался установить, как действительно было дело с последовательными запрещениями и разрешениями этой пьесы.

28/IX утром т.Блюм подписал афишу МХАТ 1-го о спектакле. "Дни Турбиных" назначались на 5 октября.

В 11 часов того же дня Главлит потребовал у Главреперткома доставить для Политбюро экземпляр этой пьесы, но при этом Главлит не сообщил Главреперткому, что постановление Коллегии будет пересматриваться, а так как перед тем мною было дано распоряжение не дергать дальше театр и не плодить новых слухов и новых колебаний вокруг этой злополучной пьесы, то т.Блюм не счел необходимым брать назад свое разрешение на афишу. Репертком точно узнал о предполагающемся пересмотре в Политбюро только вечером 28/IX. Блюм начал звонить ко мне, но я был на каком-то заседании, и по телефону он дозвонился только утром 30/IX. Очевидно, в то время было уже поздно останавливать афиши. Очевидно, что новое восприятие афиш крайне нервировало бы и театр, и публику.

Между тем в Главреперткоме и у меня лично была уверенность, что Полит-

бюро решение Коллегии утвердит.

Т.Мордвинкин, заместитель заведующего Главлитом, пишет мне: "Убежден, что если бы было остановлено утром 28/IX печатание публикаций о спектакле, а потом — 30/IX, после разрешения Политбюро, вновь разрешено, то спектакль сделался бы еще "более громким".

Правильно также и замечание Главреперткома, что в настоящее время никакой беды от этого не произошло, так как самый факт пересмотра в Политбюро, конечно, не был нигде опубликован и остался неизвестен.

Принимая во внимание все это, я нахожу, что виновных в этом деле нет и что можно предать все эти обстоятельства забвению.

Гораздо более существенны для меня некоторые другие промахи Главреперткома. Например, оглашенный мною в Политбюро возмутительный факт, что эту пьесу, написанную враждебным нам писателем, и представленную таким громким театром, как Художественный, для постановки, Репертком в собственном смысле этого слова, т.е. сам Комитет, составленный из ответственных представителей Наркомпроса, ГПУ, Агитпропа, Наркомвоенна, — даже не просматривал. Пьеса прошла сквозь так называемый аппарат, т.е. была прочитана беспартийным, хотя и очень нам близким критиком Бескиным, и после того, как театр ухлопал на постановку пьесы кучу денег, Репертком вздумал пьесу запрещать.

Я думаю, что во время доклада Главреперткома в Политбюро ЦК такие действия "аппарата" будут резко опротестованы представителем ГПУ т.Маркаряном. И, действительно, что-то тут нужно сделать.

Коммунистическая Академия просила меня прочесть большой доклад о театральной политике Советской Власти. Председательствовал т.Миллютин. Были довольно оживленные споры. О результатах Вы можете спросить т.Миллютина, который не откажется подтвердить, что доклад прошел не без блеска и явился очень большой победой Наркомпроса перед лицом общественного мнения.

В зале было несколько сот людей, преимущественно из нашей, так сказать, квалифицированной партийной интеллигенции, были и рабочие.

Нарком по просвещению —
А.Луначарский

1927-1928 годы

Предположение некоторых исследователей об общественной индифферентности Булгакова представляется спорным. Точнее — неверным. Говоря на языке улицы, он не стремился участвовать в "тусовках", но еще со времен Владикавказа выступал на диспутах и не боялся высказывать свои политические и общественные пристрастия в газетах и даже на допросе в ОГПУ 22 сентября 1926 г.

7 февраля 1927 г. Булгаков выступил на диспуте, посвященном, в частности, его пьесе. Сохранилась не только стенограмма выступления, но и донесение агента об этом.

Осенью, как и предполагалось, "Дни Турбиных" были снова запрещены:

Выписка

из протокола закрытого заседания коллегии Наркомпроса от 15/IX-27 г.

Слушали: Предложения ГРК по репертуарному плану Московского Художественного академического театра и его Малой сцены на сезон 1927/28 года.

Михаил Булгаков. 1928.

Постановили: Подтвердить решение коллегии НКП от 24/IX-26 г. об исключении пьесы "Дни Турбиных" из репертуара театра на сезон 1917/28 года.

И снова МХАТ в лице своего гениального руководителя возмущался о пощаде. Взаимоотношения театра и Булгакова многократно описаны и не являлись мирными и романтическими. Но заслуга Станиславского в том, что спектакль вообще состоялся, безусловна. Хотя двигали им совсем не интересы Булгакова...

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Иванович <Рыков>.

Мне очень стыдно беспокоить Вас, но я принужден это делать, чтобы спасти порученный мне Московский Художественный Академический Театр.

Он после запрещения пьесы "Турбины" — очутился в безвыходном положении, не только материальном, но и репертуарном.

Вся тяжесть работы снова пала на нас — стариков, и я боюсь за здоровье и даже за жизнь, надрывающихся в непосильной работе, старых артистов.

Одновременно с текущей работой нам приходится спешно репетировать большую, сложную постановочную пьесу: "Бронепоезд" к десятилетнему юбилею С.С.С.Р.

В этой работе также участвуют старики, которые по вечерам несут текущий репертуар.

Разрешением "Турбиных" этот вопрос разрешается и материально, и репертуарно.

Прошу Вашего содействия.

Извините за беспокойство.

С глубоким почтением
К.Станиславский

3-Х-1927.

Для советского человека нет ничего странного, что любой большевик, облеченный доверием, способен решать любые вопросы в любой области. Люди политбюро были политиками и с этих позиций решали (в меру своего понимания текущей политики) все вопросы. В полном смысле все, так как политбюро занималось всем.

"Секретно.

Октября 8 дня 1927 г.

№2314/с. В Политбюро ЦК ВКП(б).

Просим изменить решение П.Б. по вопросу о постановке Московским Художественным театром пьесы "Дни Турбиных".

Опыт показал, что во 1) одна из многих театральных постановок, дающих возможность проработки молодых худо-

жественных сил; во 2) вещь художественно выдержанная, полезная. Разговоры о какой-то контрреволюционности ее абсолютно неверны.

Разрешение на продолжение постановки в дальнейшем "Дней Турбиных" просим провести опросом членов П.Б.

С коммунистическим приветом —
А.Смирнов.

В основном присоединяюсь к предложению т.Смирнова

Ворошилов.

8-10-27

("Источник", №5, 1996).

Интересно, советовался ли Смирнов или Ворошилов со Сталиным?..

Протокол №129
заседания Политбюро ЦК
от 13 октября 1927 г.

Присутствовали: члены Политбюро: тт. Бухарин, Ворошилов, Калинин, Молотов, Рыков, Сталин.

Кандидаты: тт. Микоян, Угланов.

Члены ЦК: тт. Косиор...

Кандидаты: тт. Уншлихт, Жданов...

Члены президиума ЦКК: тт. Куйбышев, Сольц, Янсон, Ярославский, Шкирятов.

4. О пьесах.

Отменить немедленно запрет на постановку "Дней Турбиных" в Художественном театре и "Дон-Кихота" в Большом театре.

Выписку — т.Луначарскому.

Опросом 10/Х-27 г. Сталин, Молотов, Рыков, Ворошилов, Бухарин, Кал<нин>, Том<ский>.

Выписка

из протокола №35/397 заседания
Президиума Коллегии НКП
от 11 октября 1927 г.

Слушали: О разрешении постановке в МХАТе 1<-м> пьесы "Дни Турбиных", а в ГАБТе — балета "Дон-Кихот".

Постановили: В изменении постановления Коллегии НКП от 15 сентября с.г. разрешить МХАТу постановку на сезон 1917/28 г. пьесы "Дни Турбиных", а Государственному Большому Театру — балета "Дон-Кихот".

Неизменно вежливый К.Станиславский отблагодарил "меценатов". В частности, Ворошилова. 20 октября того же года, на бланке театра, автографом:

Глубокоуважаемый Клементий Ефремович.

Позвольте принести Вам от имени М.Х.А.Т.-а сердечную благодарность за помощь Вашу, в вопросе разрешения пьесы "Дни Турбиных", — чем Вы оказали большую поддержку в трудный для нас момент.

К.Станиславский.

В летописи "Жизнь и творчество Станиславского" (т.4, с.70) приводится фрагмент машинописной копии того же (по дате) письма Ворошилову. Но звучит оно иначе:

Октябрь, 20.

Первое представление в сезоне "Дней Турбиных".

С благодарит К.Е.Ворошилова за помощь, оказанную Художественному театру "в вопросе разрешения "Дней Турбиных".

"Я рад передать Вам, как дороги Театру Ваша отзывчивость и Ваше участие в предстоящих работах Художественного Совета, которым Московский Художественный Академический театр придает исключительное значение".

Эти два года (1927-28), несмотря на бешеную ругань в периодике, дали Булгакову безусловный заряд энергии. С появлением новой его пьесы "Бег" "передышка" должна была закончиться...

По всей вероятности, театр Вахтангова попытался — и небезуспешно — продлить, как и МХАТ с "Днями Турбиных", индულгенцию на "Зойкину квартиру", отпущенную на один театральный сезон.

А.И.Рыков — И.В.Сталину

Коба!

Вчера был в театре Вахтангова. Вспомнил, что по моему предложению мы отменили решение реперткома о запрещении "Зойкиной квартиры".

Оказывается, это запрещение не отменено.

А.Рыков.

Записка Рыкова не датирована. Он имел в виду следующее постановление политбюро:

Протокол №11

заседания Политбюро ЦК ВКП(б)
от 23 февраля 1928 г.

Присутствовали:

Члены ПБ ЦК ВКП(б): тт. Ворошилов, Калинин, Куйбышев, Молотов, Рыков, Сталин, Томский...

19. О "Зойкиной квартире".

Ввиду того, что "Зойкина квартира" является основным источником существования для театра Вахтангова — разрешить временно снять запрет на ее постановку.

Выписки: т. Луначарскому, т. Криницкому".

На обороте оригинала протокола: "Т. Косиор не возражает против такой формулировки.

На следующем листке: "За снятие запрета: Сталин, Бухарин..."

Политбюро.

9/III. 1928 г. №198/с.

Так как 24/II-28 г. мною было дано категорическое распоряжение председателю Главреперткома Раскольникову сообщить театру Вахтангова о разрешении ему возобновить прежде запрещенную пьесу "Зойкина квартира", то в секретном порядке тов. Раскольникову было сообщено также, что основанием моего распоряжения является соответственное решение Политбюро.

Нарком по Просвещению
А.Луначарский

Мне кажется, что сентябрьское разрешение Камерному театру ставить "Багровый остров" объясняется тем, что многоопытные чиновники Главреперткома учли печальные свои промахи и решили, что у Булгакова с политбюро "особые отношения".

Нормальной логикой положение с пьесами Булгакова в театрах явно не просчитывалось: сплошной поток ругани, а пьесы идут! Недаром в заголовке этой статьи стоит: "Частный случай". Жизнь и творчество Булгакова полны загадок и неясностей.

Часть загадок, проясняемых лишь с помощью документов, я и пытаюсь представить на суд читателя...

Для самого Булгакова этот год не был сплошным праздником: он получил первый, но не последний отказ в зарубежной поездке. Мучения с "Бегом" только начались...

Зарубежные издатели и театры уже успели разобратся в качестве его творчества и успешно и безнаказанно стали эксплуатировать его, не очень забываясь об оплате.

В письме Замятину от 27 сентября появляется фраза почти пророческая: "Вообще, упражнения в области изящной словесности, по-видимому, закончились". Состоялась попытка осмыслить свой собственный театральный столетний опыт — статья "Премьера" — и первое, но не последнее сожжение готового материала...

Мне кажется, что в донесении секретного агента ОГПУ от 25 октября 1928 года отражено очень точно все то, что думала о драматургии советская творческая общественность:

"...У Булгакова репутация вполне определенная. Советские (конечно, не внешне "советские", а внутренне советские) люди смотрят на него как на враждебную соввласти единицу, использующую максимум легальных возможностей для борьбы с советской идеологией.

Критически и враждебно относящиеся к соввласти буквально "молятся" на него, как на человека, который, будучи явно антисоветским литератором, умудряется тонко и ловко пропагандировать свои идеи..."

ГРИГОРИЙ ФАЙМАН

Москва

Продолжение следует.